...Вот, скажем (Сборник)

Автор:
Линор Горалик

...Вот, скажем

Линор Горалик

«Вот, скажем...» – грустные, веселые, безумные, отчаянные истории о людях и их обстоятельствах, отчасти перекликающиеся со знаменитой книгой Линор Горалик «Недетская еда». В разные годы фрагменты этого текста публиковались в «Снобе», «Букнике», на «Ленте. ру» и. Colta.ru

...Вот, скажем

Линор Горалик

© Линор Горалик, 2017

ISBN 978-5-4474-0421-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тексты, вошедшие в эту книжку, писались последние семь лет. У меня в голове они существуют с общим названием «Пять историй про...», потому что в 2007 году я вела колоночку «ровно с таким названием в разных изданиях, готовых терпеть прозу среди журналистики и публицистики. Ноги у этой колоночки растут вот откуда: в 1996, кажется, году я стала делать небольшие

записи о своих друзьях и знакомых. Мне всегда невероятно везло с друзьями и знакомыми, и меня мучило ощущение, что огромное количество их остроумных фраз, их трогательных или значительных поступков, всего того, что составляет основную ткань жизни (и служит постоянной пищей для нежности и любви, которыми эти слова и поступки отзывались во мне), утекает сквозь пальцы: живет день, два, пересказывается неделю, забывается – и больше не живет. Тогдашние мои записи (я выкладывала их раз в некоторое время на давно покойном хостинге) Geocities.com и были, собственно, рассчитаны на десять – двенадцать человек. С годами это занятие становилось для меня все важнее – так появились изданные в ОГИ книжки «Недетская еда» и «Недетская еда: без сладкого» (за что ОГИ и Дмитрию Ицковичу большое спасибо – как и за многое другое). Так вот, в 2007 году Владимир Яковлев, который тогда занимался проектом «Сноб», предложил мне вести колоночку, составленную из таких записей. Я сказала, что мне хотелось бы составлять ее из очень конкретного типа записей, условно говоря, каждая запись была бы историей, историей про людей. Иногда большой, иногда маленькой, иногда про очень знакомых людей, иногда про не очень, но, главное, я пыталась бы делать колоночку про цайтгайст, отраженный в крошечных осколках частных поступков и переживаний (надо сказать, что, по большому счету, никакая другая задача меня, по-видимому, не интересует так сильно, как работа с этими осколками – вне зависимости от того, к какому жанру принадлежит текст или объект, который я пытаюсь создать). Истории эти – сразу предупредила я – будут в чистом виде прозой, но в качестве исходного толчка я буду опираться на что-нибудь рассказанное мне, услышанное мной, увиденное при тех или иных обстоятельствах – что-нибудь реальное и живое. Володя сказал, что его это очень устраивает, но нам нужно договориться про объем: например, три очень коротких истории (иногда вся история – это несколько слов) – нечестно по отношению к читателю, десять очень длинных – неправильно с точки зрения издания. И мы договорились, что это будет примерно пять историй, каких придется.

Так колоночка с неофициальным названием «Пять историй про…» начала жить. Дальше в силу самых разных обстоятельств она путешествовала по дружественным мне изданиям: после «Сноба» жила в «Букнике», потом на Lenta.Ru («на старой Ленте», как сейчас положено уточнять), а теперь, после распада «Ленты», живет на Colta. Я твердо знаю, что если бы не коллеги, предоставлявшие «Пяти историям» жилье, у меня не хватало бы ни силы, ни самодисциплины для продолжения этих записей. И тогда я действительно бесконечно жалела бы, что все в высшей степени значительное и важное (может

быть, единственно важное), что отражается в нашей, скажем, манере выбирать корм для котов, или говорить о новой кухонной мебели, или жаловаться на отсутствие работы, или объяснять детям, почему быть козлом лучше, чем принцессой, – бесконечно утекает у меня сквозь пальцы. Оно, конечно, и так бесконечно утекает у меня сквозь пальцы, и это очень больно. Но вот – хоть что-то. Поэтому огромное спасибо Владимиру Яковлеву, Сергею Кузнецову, Ивану Колпакову, Галине Тимченко, Марии Степановой и Глебу Мореву за возможность сотрудничать с вверенными им изданиями. А некоторым из этих людей огромное спасибо еще и за то, что они оказывались персонажами приведенных здесь историй, – как и несчетному множеству других людей, про которых, собственно, эта книжка. Среди ее персонажей мои ближайшие друзья и те, чьих имен я даже не знаю, потому что истории о них доходили до меня через третьи и четвертые руки. Я очень благодарна им всем, но друзьям – особенно: за то, что они годами позволяют мне записывать, а потом переделывать, перевирать, переиначивать и переигрывать сюжеты из их жизни, иногда почти до неузнаваемости. Это огромная щедрость с их стороны, и я в высшей степени ценю ее. Отдельно надо сказать о моем ближайшем друге Александре Гаврилове, который много лет назад разрешил мне врать про него, что придется, и даже называть персонажа «Гаврилов», если другое имя не придумается. На каком-то вечере незнакомая девушка сказала мне: «Гаврилов – ваш лучший персонаж!», в ответ на что присутствовавший тут же Гаврилов немедленно показал ей язык. Взрослый человек, прилично одетый, до этого сумевший съесть три бутерброда, ни разу не уронив ни куска себе на штаны, прилюдно показал язык скромной воспитанной девушке, тем самым ввергнув ее в ступор. «Кто этот псих?» – тихо спросила меня девушка. «Уж точно не Гаврилов», – сказала я и посмотрела на Гаврилова нехорошим взглядом, которого Гаврилов не заметил: он как раз показывал козу очень напуганному ребенку. Так замкнулся некий логический цикл; однако весь пассаж, заключенный в эти скобки, призван напоминать, что многие написанные мной истории про Гаврилова не следует принимать на веру. Впрочем, будучи одним из издателей этой книги, Гаврилов знает на что идет. И тут мне хотелось бы поблагодарить второго издателя, Сашиного партнера по Ridero и моего близкого друга Дмитрия Сумина: без его напоминаний и подталкиваний Гаврилов, взявший на себя роль редактора, никогда бы не привел эту книгу в порядок, а я, взявшая на себя роль автора, не испортила бы ее после этого обратно.

Напоследок надо упомянуть несколько технических вещей. Во-первых, мы отказались от идеи сохранять разбиение текстов на озаглавленные блоки по пять историй: этот прием в рамках книги выглядел слишком нарочито. Во-

вторых, довольно много историй пришлось убрать: они были не очень удачными или слишком завязанными на конкретные новости, давно потерявшие значение. Книге такое прореживание, кажется, пошло очень на пользу. В-третьих, тексты расположены не в хронологическом порядке, а так, как автору показалось сообразным по плохо вербализируемым причинам. А в-четвертых – всё утекает сквозь пальцы, всё.

* * *

…Вот, скажем, немецкий предприниматель Т., решив проверить правдивость мифа о том, что в Москве никто не читает договоров, попросил своих немецких юристов включить в стандартный текст рабочего контракта для сотрудников российского офиса особый пункт. Так в п. 8.3.1, касающемся обстоятельств непреодолимой силы («…техногенные и природные катастрофы, военные действия, террористические акты…»), появились слова: «…завоевание Земли негуманоидными межгалактическими захватчиками». Договор молча подписали все сотрудники российского офиса – включая тамошнего юриста. Последний факт привел немецкого предпринимателя Т. в тоскливый ужас, и он вызвал этого самого юриста к себе в кабинет. «Вы вообще читали этот договор?» – «Естественно». – «Нет, не читали, не читали! Как насчет пункта 8.3.1?!» – «Нормальный пункт». – «Про негуманоидных захватчиков?!..» И тогда юрист российского офиса наклонился к немецкому предпринимателю Т. и тихо, ласково сказал: «Вы вокруг-то посмотрите».

* * *

…Вот, скажем, водитель такси, везя из аэропорта американского писателя Ц., немножко говорящего на русском (и восторженно вступающего в беседу про mestnost с etot prostoy chelovek), интересуется, чем зарабатывает свой хлеб пассажир. Узнав, что тот pisatel, таксист радуется и говорит, что читает много, наверное, и пассажира своего читал. «Какой псевдоним у вас, какой?» – «Нет у меня псевдонима». «Хороший вы, наверное, писатель, – говорит водитель с уважением. – В России все под псевдонимом пишут. И то понятно, я тут нашу книжку иногда возьму с лотка, открою – я бы такое, извините, тоже под псевдонимом писал».

* * *

…Вот, скажем, тибетского гуру Т.-Ч., проводящего семинар в Петербурге, кто-то из публики спрашивает, нет ли у него кармической теории, объясняющей Судьбу России. Тибетский гуру Т.-Ч. признается, что такая теория у него есть, но делиться ей он не будет – опасается кармических последствий.

* * *

…Вот, скажем, у заслуженного поэта Ф. в семье живет престарелая няня. Няня пережила с семьей голод, террор, оккупацию, эвакуацию, оттепель, застой, перестройку, вырастила дедушку поэта, отца поэта, дядьев поэта, самого поэта, сестер поэта, детей поэта и внуков поэта, а теперь ласково покрикивает из своего почетного кресла на маленьких правнуков поэта. Эта святая женщина всегда отличалась исключительным вниманием к чужой жизни и готова была выслушивать любые истории – про голод, террор, оккупацию, эвакуацию, оттепель, застой, перестройку и все такое. И при этом в конце любой истории задавала один и тот же вопрос: «…Ну он убёг?» Гостей заслуженного поэта Ф. это восхищало. «Вот вам вся история русского народа в одном вопросе!» – говорил художник К. «Ну почему русского? – возражал хореограф Ж. – Это вся история еврейского народа в одном вопросе!» «Ну ладно! – отвечал художник К. – Вся история еврейского народа – в вопросе: «…Ну кто-нибудь убёг?» Пережившая голод, террор, оккупацию, эвакуацию, оттепель, застой и перестройку няня сидела в уголке и помалкивала.

* * *

…Вот, скажем, интеллигентные порногурманы, – из тех, которые любят, чтобы некрасивые татуированные модели в очках ездили верхом на немолодых полноватых мужчинах в латексных фраках и декламировали «Монолингвизм другого» с ироническими интонациями, – жалуются, что в России стриптиз совсем не то, что в Европе. В России, говорят интеллигентные порногурманы, стриптизерши обычно какие-то вульгарные. Неужели нельзя брать на работу интеллигентных стриптизерш? Есть же рынок! (Интеллигентные порногурманы обводят рукой комнату, где сидят четыре человека.) Тут выясняется, что одна

из участниц беседы ходила на пробы в стрип-клуб, пока писала кандидатскую и сидела без денег. И ей отказали! Причем отказали еще до того, как она успела раздеться. Она только начала расстегивать рубашку со словами: «А это, извините, сиськи…»

* * *

…Вот, скажем, рекламный щит с изображением Александра Сергеевича Пушкина предлагает жителям столицы «Кредит за чудное мгновенье!».

* * *

…Вот, скажем, обитатели большого жилого комплекса на протяжении двух месяцев с интересом наблюдают из окон за жизнью дворняжки, поселившейся во внутреннем дворе. Дворняжка родила пару щеночков, обитатели дома умиляются благостному выражению на морде матери и неуклюжими играми потомства. Наступает вечер, когда один из обитателей жилого комплекса прибегает к друзьям, живущим этажом выше, и сообщает, что щеночки лежат под забором одни-одинешеньки и выглядят бледно. Их собачья мать куда-то делась, и малыши, того и гляди, погибнут от голода. Взволнованные граждане принимают решение немедленно покрошить сосиску и кинуть ее щеночкам из окна. Щеночки никакого интереса к покрошенной сосиске не проявляют, и взволнованные граждане решают, что щеночкам «какие-то добавки из сосисок плохо пахнут». Из холодильника появляется отварная куриная грудка. Грудку крошат на маленькие кусочки и кидают щеночкам из окна. Щеночки никакого интереса к куриной грудке не проявляют. Из темноты слышно, что они тяжело пыхтят и жалобно поскуливают. Взволнованные граждане решают, что щеночкам «не подходит вареное». Из холодильника появляется антрекот. Антрекот крошат на маленькие кусочки и кидают щеночкам из окна. Насколько удается разглядеть, щеночки не проявляют никакого интереса и к антрекоту тоже. Тут взволнованные граждане понимают, что щеночки не то больны, не то травмированы, не то склонны к невротической анорексии, – словом, что щеночков надо спасать. Взволнованные граждане отлипают от окон, поспешно обуваются и бегут во двор. В темноте идти по двору оказывается неудобно и страшно: под ногами что-то все время скользит, шуршит и чавкает. Взволнованные граждане решают, наконец, посветить экранами мобильников

себе под ноги. Весь двор покрыт ровным слоем покрошенных, порезанных, сырых и вареных мясопродуктов: тут и котлетки, и сарделечки, и ветчинка, и сервелатик. А под забором стонут от переедания брошенные матерью щеночки.

* * *

…Вот, скажем, водитель грузовика DHL стучит в окно водителю грузовика «Почта России» и обращает внимание последнего на тот факт, что у него кузов открыт и все посылки на дорогу падают. А водитель грузовика «Почта России» тормозит, отъезжает в сторонку, кладет голову на руль и некоторое время так лежит.

* * *

…Вот, скажем, в витрине магазина свадебных платьев где-то около «Бабушкинской» среди белых изделий из взбитой тафты выставлено ярко-синее платье с переливающимися серебристыми лентами, спадающими с плеч на манер аксельбантов, с крупными ярко-розовыми цветами, нашитыми по всему подолу, и с поясом из лиловых блесток. К этому платью, судя по оформлению витрины, прилагается заколка с павлиньим пером и пара белых перчаток до локтя. На табличке, сопровождающей экспонат, заботливо указано: «Для смелых невест». «Смелые замуж не идут, – бормочет ковыляющая мимо усталая бабушка. – Зачем смелым замуж?»

* * *

…Вот, скажем, на лестничной площадке между пятым и шестым этажами жилого дома к стене приклеен вырванный из школьной тетради лист, на котором аккуратно написано женским почерком: «Сергей! Я знаю, что тайком ты ходишь сюда курить, хотя обещал против. Я отличу твои окурки от любых других. Это называется „любовь“, Сергей».

* * *

…Вот, скажем, средних лет дама стоит иксом на бережку у Петропавловской крепости, подставляя бледному петербуржскому солнцу бледное тело в румяном купальнике. Глаза дамы закрыты непрозрачными очками для солярия, а к мягкой панаме пришпилена бумажка с крупной надписью маркером: «Женщинам и без повода не беспокоить!»

* * *

…Вот, скажем, флейтист Г. подарил своей дочери Наталье давно чаемого морского свина. Свин оказался неприятным человеком – лохматым, линючим, пахучим, кусачим и неотзывчивым. Но хуже всего было то, что дочь Наталья, вопреки долгим чаяниям, за две недели охладела к животному целиком и полностью. Выход был один: отдать свина кому-нибудь другому. Но флейтист Г. упирался.

– Мне не нравится подавать ребенку идею, что можно взять в дом живое существо, поиграть и выкинуть, – хмуро говорил он.

– Послушай, у тебя девочка растет, – говорили флейтисту Г. друзья. – Она все равно рано или поздно придет к этой идее.

– Я не хочу иметь к этому никакого отношения, – отвечал флейтист Г.

– Тогда скажи, что свин ушел жить к соседям, – советовали друзья. – Что благодаря ее любви он приобрел уверенность в себе, здоровую самооценку и новые жизненные навыки, и теперь считает, что им обоим следует попробовать жить с другими людьми. У тебя растет девочка, что-нибудь такое с ней все равно рано или поздно произойдет.

– Я не хочу иметь к этому никакого отношения, – отвечал флейтист Г.

– Ну, скажи тогда, что свин покончил с собой, – предлагали друзья. – Что она совершенно прекрасная, а он козел, ничего за эти две недели не достигший, что она заслуживает лучшего свина, что ему стыдно просыпаться и слышать ее

умиротворенное дыхание рядом с таким никчемным существом, как он. У тебя девочка растет, в ее жизни рано или поздно…

– Я не хочу иметь к этому никакого отношения, – перебивал флейтист Г.

И тут жена флейтиста Г., все это время помалкивавшая, неожиданно сказала:

– А ты ей объясни, что этого свина очень-очень захотела другая девочка. Ну, прямо очень-очень захотела. Полюбила настоящей любовью. А Наталья его все равно не любит, а только балуется. Так что свина надо уступить, ради его собственного счастья и счастья этой самой другой девочки.

И по какой-то причине флейтист Г. немедленно и покорно согласился на эту историю, и больше друзья и знакомые флейтиста Г. никогда свина не видели.

* * *

…Вот, скажем, гламурноватая юная пара, возбужденная весной и спорами о политике, забирается на заднее сиденье случайно пойманной раздолбанной тачки и ласково там курлыкает. Таксист – нестарый еще восточный человек, ему тоже хочется общения, он поднимает над головой квадратную бутылку воды «Шишкин лес» и бодро предлагает:

– Угадайте-ка, ребята, почему я именно такую воду в машину покупаю?

Мальчик:

– Потому что она по салону не катается?

Девочка:

– Потому что вас в лесу растили?

* * *

…Вот, скажем, в одном из тех маленьких кафе, где все чуть слишком сумбурно, чуть слишком вкусно, чуть слишком шумно и чуть слишком дружелюбно, хорошенькая официантка в строгих очках помогает итальянскому туристу выбрать себе обед: «Шакшука – очень советую, тыквенный суп – очень советую, курица терияки – очень советую. Стейк вообще-то не советую, но если вам хочется именно стейк – отлично, тогда советую».

* * *

…Вот, скажем, мрачный круглоголовый мальчик лет десяти, в узкой курточке, с тяжелым ранцем, заставляющим его сидеть на самом краю скамейки, аккуратно пишет в новенькой общей тетради, лениво сопротивляющейся слабому ветру: «Женщины бывают трех типов…»

* * *

…Вот, скажем, удивительная женщина Ш. очень боялась момента, когда ее дочке Катеньке придется идти в израильскую армию. И поэтому, когда почта принесла Катеньке повестку, удивительная женщина Ш. ничего Катеньке не сказала, а вместо этого сама пошла в военкомат. Нашла там офицера, к которому должна была явиться Катенька, и сказала, что Катенька не может идти в армию: она наркоманка. Офицер сказал, что это очень странно, потому что в Катенькиных документах фигурировали отличная учеба, волонтерская работа, выступления в школьном театре и сборная города по плаванию. Удивительная женщина Ш. сказала, что, наоборот, все очень логично: Катенька с утра до ночи нюхает кокаин, а иначе бедная девочка вообще бы ничего не успевала, как он, интересно, все это себе представляет – такие нагрузки в восемнадцать лет? Тогда офицер поинтересовался, не кажется ли Катенькиной маме, что в этом случае Катеньке нужна помощь? Удивительная женщина Ш. очень обиделась и сказала, что Катенька получает всю необходимую помощь. Офицер осторожно поинтересовался, какую именно. «Мою, – сказала удивительная женщина Ш. – Она получает мою помощь. Я покупаю ей весь этот

кокаин». Тут офицер наконец растерялся. «Я ее мать! – с достоинством сказала удивительная женщина Ш. – Ребенку надо!» Позже Катенька очень просила отправить ее на дальнюю границу в боевые части, но просьба ее удовлетворена не была: тот же офицер счел, что Катенькиной маме нужна помощь, а других желающих оказывать эту помощь не нашлось.

* * *

…Вот, скажем, после законодательного запрета матерной брани алгоритмисты Ш. и Щ. решают отучиться от неприличных выражений. С утра приносят на работу литровую банку, кладут в нее все оставшиеся до зарплаты деньги (реально) и решают, что кто за день не сказал ни единого плохого слова, тот вечером вынимает из банки 1000 рублей. И вот приходит время ланча. И алгоритмисты Ш. и Щ. в этот момент понимают, чем их план был нехорош. А тут стоит эта банка, прозрачная, полная денег, ненавистная такая, и невозможно на нее смотреть без какого-нибудь ласкового слова. И завтра тоже. И уж тем более, послезавтра.

* * *

…Вот, скажем, история, посвященная прекрасному режиссеру Т. Режиссер Т. и русский писатель Ц. решают вместе работать над комическим сериалом. Быстро придумывают концепцию, быстро проговаривают структуру, быстро набрасывают предварительный кастинг и, довольные, расходятся. На следующий день русский писатель Ц. шлет режиссеру Т. синопсис первой серии этого комического сериала: муж изменяет жене, жена ворует деньги у начальства, начальство сидит под столом и плачет, ребенок душит черепашку и дарит ее, задушенную, другому ребенку, но что она мертвая – не говорит. Смешной синопсис, веселый. Вежливый режиссер Т. пишет русскому писателю Ц. вежливый ответ, в котором вежливо говорит, что муж – скотина, жена – сука, начальство – тряпка, ребенок – монстр, и задает важный технический вопрос: «Дорогой Ц., кого мы тут будем любить? В каждой серии должен быть кто-то, кого мы будем любить. Кого из этих людей мы предлагаем любить? Кого?» Русский писатель Ц. предлагает любить черепашку, ее легко любить, она мертвая. Вежливый режиссер Т. вежливо просит сделать вторую попытку. Русский писатель Ц. присылает второй синопсис комической первой серии: муж

покупает ребенку черепашку, но не отдает, ребенок за это бьет его ногами, жена лежит в клинической депрессии, сосед ходит ее клеить и заодно рассказывает, что ее муж – скотина, ребенок – монстр, а сама она – тряпка. Рассказывает смешно, с гэгами. Вежливый режиссер Т. еще раз вежливо объясняет, что зрителю надо кого-то любить. Ну, хоть кого-то. Ну, хоть кого-то зрителю надо любить в этом адском гиньоле. Ну, пожалуйста. Тогда русский писатель Ц. создает третий синопсис, в центре которого тот факт, что ребенок боится черепашки, а мама с папой бегают за ним по квартире, трясут черепашкой и кричат: «Укусит! Укусит!» Смешно же, срыв шаблона. Вежливый режиссер Т. обходится на этот раз без лишних объяснений, он просто пишет большими буквами: «ЛЮБИТЬ КОГО???» И на этом работа над комическим сериалом, к сожалению, заканчивается, хотя режиссер Т. и русский писатель Ц. обещают друг другу когда-нибудь обязательно попробовать еще раз. Может, когда зритель окончательно ожесточится и потеряет всякую потребность любить. И все это время русский писатель с тоскою думает: «Меня! Меня! Давайте мы все, все будем любить меня!» Но сказать это вслух, конечно, стесняется.

* * *

…Вот, скажем, журналист У. решает, что он все-таки человек, у него все-таки есть права, и одно из этих прав – не читать неделю российских новостей. Ну вот не читать, не читать, не читать. Тем более что у журналиста У. как раз случается отпуск, он уезжает с молодой женой в Верону – и в первый же день чувствует себя абсолютно, совершенно счастливым. И во второй в целом довольным.
Но уже на третий день ему делается как-то нехорошо. К вечеру третьего дня он уже прямо заболевает, мается, то отбросит планшет, то притянет к себе робкою рукою. И непонятно даже, почему ему так плохо: должно же быть наоборот?
Но журналист У. держится, потому что он человек, у него есть права, и молодая жена, очень любимая, тоже есть, вот они догуливают пешком по этому волшебному городу до маленького ресторанчика, балкон, воздух, закат, морепродукты, и совершенно непонятно, почему у молодой жены такое растерянное лицо. Она говорит, что – да, он угадал, ее что-то мучает, но она и сама не понимает – что. И вдруг говорит: «Поняла, поняла! Я же оставила дома ключи от машины! То-то я чувствую – у меня не болит попа. Они же обычно лежат в заднем кармане, я на них сижу, и у меня болит попа. А тут не болит, и я прямо чувствую – что-то мне нехорошо». И тогда журналист У. открывает планшет и принимается взахлеб читать российские новости, подряд, за все три

пропущенных дня. Ну да.

* * *

…Вот, скажем, в компании литератора З. речь заходит о том, как в детстве некоторые боялись актера Караченцова. Как покажут по телевизору актера Караченцова – так некоторые залезали под кухонный стол и там сидели, пока не начнется «Клуб кинопутешествий». А другие, оказывается, боялись певицы Пугачевой. Хотя она была тогда совсем еще… ну, другой. И говорили, что у них болит живот, надо пойти в кроватку полежать. И тут человек, вхожий в определенные круги, вдруг рассказывает, что один видный кремлевский деятель в детстве ужасно боялся д’Артаньяна и трех мушкетеров. Не актеров по отдельности, а именно этих четверых скопом. И вот соберется семья у телевизора, начнут показывать д’Артаньяна – а его, бедного, прямо тошнит от ужаса. Но папа будущего кремлевского деятеля, сам тот еще деятель, был устроен так, что о бегстве под стол даже думать не приходилось. А тут эти четверо – бабах! – с грохотом скрещивают шпаги и рявкают: «Один за всех и все за одного!» И будущий кремлевский деятель, бедняжка, дрожит мелкой дрожью – но сидит. И только жалобно спрашивает маму: «Мама, мама, зачем они это делают?» А мама смотрит в телевизор и говорит: «Им за это деньги платят».

* * *

…Вот, скажем, гей-пара средних лет спорит о чем-то посреди кухонной утвари в магазине «ИКЕА». В руках у одного из них довольно объемная кастрюля, второй рассматривает ее без особого восторга.

– Куда тебе больше? – недовольно спрашивает первый, демонстрируя достоинства кастрюли так и этак. – Она и так огромная, зачем еще больше!

– Я советская женщина! – строго говорит второй. – Советской женщине полагается иметь в хозяйстве выварку!

* * *

…Вот, скажем, немолодой человек в куцем пальтишке, какое непонятно даже, где сегодня и берут, приходит вечером одного буднего дня на детскую площадку, расположенную недалеко от важного тюремного заведения. Заведение это часто фигурирует в печати: здесь сидят враги народа и прочая деловая интеллигенция, не желавшая делиться деньгами с властью. Немолодой человек не кажется представителем деловой интеллигенции, но его сопровождает очень интеллигентного вида собачка; такие бывают у московских стариков – коротколапые, одышливые, пегие, с пузиком, трущимся об асфальт. Мужчина с собачкой приходят на детскую площадку перед тюрьмой поздно вечером, в неплотной темноте, и приносят с собой большую черную сумку, какими в кино пользуются для рабочих нужд террористы. Мужчина ставит собачку на спину сильно обшарпанного коня-качалки, а сумку размещает на крыльце серой неприветливой избушки с выломанной дверью. Некоторое время мужчина изучает окна тюрьмы, а потом принимается доставать из сумки петарды и втыкать их в размокшую землю центральной клумбы. Закончив работу, он берет собачку под мышку и забирается вместе с ней в избушку. Не без труда высунувшись по пояс из маленького грязного окна, человек запускает всю заготовленную пиротехнику. Пока в небе рядом с тюрьмой грохочут и вспыхивают фейерверки, человек с собачкой курит, сидя на корточках у окна детской избушки, и поглядывает на освещенные окна тюрьмы. Собачка, сидящая у него на коленях, вздрагивает от каждого взрыва, но ведет себя на удивление тихо.

* * *

…Вот, скажем, представитель еврейской интеллигенции, видный либеральный журналист сорока с небольшим лет, демократ, правозащитник, активный участник движения за права человека, звонит около двух часов ночи своему старшему брату в панике и тоске.

– Сеня! – говорит он. – Моя пятнадцатилетняя дочь впервые уехала отдыхать одна. Она поехала во Францию учить французский в международном юношеском лагере, на месяц. Сеня! Я вдруг понял, что, если она познакомится с немцем и выйдет за него замуж, и уедет в Германию, и родит там детей, и они начнут говорить, и я приеду к ним в гости, и мои внуки бросятся мне навстречу и радостно закричат на немецком, меня вырвет. Сеня! Мне кажется, я больше не интернационалист.

* * *

…Вот, скажем, охранник за кулисами модного показа устало глядит поверх голов бегающих кругом него голых моделей.

* * *

…Вот, скажем, прекрасная израильская семья, долго ждавшая появления на свет дитяти номер два, приезжает с новорожденным младенцем домой. Происходят спонтанные смотрины, в которых участвуют друзья родителей, коллеги родителей, бойфренд одной бабушки, диетолог другой бабушки (сами бабушки проживают в Хайфе), уборщица, рассыльный из супермаркета, престарелый соседский кот, – словом, все ближайшее окружение. Пятилетнее дитя номер один (по имени Шуши), несколько прибалдевшее от всего происходящего, терпеливо и вежливо отвечает на многочисленные поздравления по поводу рождения сестрички. Все, кому не лень, считают своим долгом приконопатиться к ребенку с каким-нибудь важным вопросом:

– Шуши! Ты любишь свою новую сестричку?..

– Шуши! Ты отдашь новой сестричке свои игрушки?..

– Шуши! Ты будешь помогать маме ухаживать за новой сестричкой?..

Словом, все пристают к Шуши с тем нескончаемым потоком глупостей, который взрослые выливают на голову ребенка, если ребенок, на свою беду, отличается выдержкой и снисходительностью. Шуши – отличается. Наконец, первая волна благожелателей откатывается, и семья в ожидании набега других родственников получает возможность заняться своими делами. Наступает пятница, потом суббота, и вот вечером субботы на пороге квартиры появляются обе бабушки.

– Шуши! – с порога кричат радостные бабушки. – У тебя родилась новая сестричка!

И тогда Шуши бледнеет и спрашивает еле слышным голосом:

– Что, опять?..

* * *

…Вот, скажем, поэт К. рассказывает о концерте музыканта М., мол, «в музыке ему послышалось даже что-то ономатопоэтическое». «Ты это слово вчера узнал?» – интересуется поэт Р. «И вовсе не вчера, – с достоинством отвечает поэт К., – третий день осваиваю».

* * *

…Вот, скажем, энергичный молодой человек обходит незнакомый офис и читает аккуратные таблички, врытые в хорошо разрыхленный грунт каждого цветочного горшка: глициния такая-то, посажена тогда-то, пересажена тогда-то; цереус такой-то, приобретен тогда-то, удобрен тогда-то…

– Ребята! – внезапно говорит этот энергичный молодой человек. – А что если начать хомячков прямо с надгробиями продавать?..

* * *

…Вот, скажем, поэт Леонид Шваб, глядя в темное окно своей иерусалимской квартиры, совершенно внезапно говорит:

– Между прочим, я знал в Бобруйске одну болонку, которая ела семечки и выплевывала шелуху.

* * *

…Вот, скажем, переводчик Саша Б. рассказывает, как по молодости ездила с разными прочими студентами в неизбежный советский колхоз. Среди этих студентов были двое нежных мехматовских юношей, сочетавших в себе, подобно многим мехматовским юношам, удивительную покладистость с удивительной нежизнеспособностью. Соответственно, добрая украинская бабка, к которой поселили этих юношей, немедленно принялась их опекать, беречь, подкармливать и всячески защищать от суровых колхозных работ. За что и получила довольно скоро выговор по идеологической части на соответствующем собрании. И отправилась после собрания домой с твердым намерением приспособить умных мехматовских юношей к суровым колхозным работам. Но ее большое женское сердце было против. И она нашла для этих самых юношей такое колхозное дело, с которым даже вша бы справилась (по ее мнению).

– Пацаны! – сурово сказала бабка, отрывая юношей от утреннего сеанса игры в «гидроэлектростанцию» (на слово «экуменический»). – А ну, пойдите, рубаните теленочку ботвичку!

Покладистые мехматовские юноши тут же прервали игру и испуганно сказали:

– Конечно, Марья Николаевна! А где у теленочка ботвичка?..

Больше Марья Николаевна с такими глупостями к ученым людям не приставала.

* * *

…Вот, скажем, с приближением Пурима один еврейский детский сад рассылает родителям письма с рекомендациями касательно того, какими должны быть

детские маскарадные костюмы: «Дорогие родители! <…> Кроме того, просим вас воздержаться от постмодернистских жестов, например черных футболок с надписью „Объект, рассматривающий самое себя в качестве объекта“ или белых рубашек с черными брюками, изображающих „костюм менеджера среднего звена“. К сожалению, вашему четырехлетнему ребенку эти шутки доставляют меньше удовольствия, чем вам».

* * *

…Вот, скажем, в очереди на маршрутку сутулый господин со старой спортивной сумкой через плечо изумленно говорит своей спутнице: «Вчера в метро толпа такая была, вечер четверга. Ехал-ехал, толкался-толкался, вышел на поверхность, а мне девушка мимо так пробегает и говорит: ой, у вас сумка открыта! У меня все внутри как прыгнуло: а правда, покупал карточку, забыл закрыть! Смотрю, кошелек на месте, шапка на месте… Зажрались люди, Наташа».

* * *

…Вот, скажем, в тихом дворе московского дома примерно в восемь утра мальчик и девочка младшего школьного возраста истошно вопят: «Синички! Синички! Летите сюда! Мы вам зимовать поможем! У нас есть угощение! Летите к нам, синички!» – и размахивают кусочками сала с налипшими на них шерстяными ниточками от варежек.

* * *

…Вот, скажем, молодая норовистая дама, трепеща ноздрями, тычет пальчиком в ноутбук и отчитывает робкую девушку, нервно наматывающую локон на торчащую за ухом дужку очков: «…Теперь, Катя, смотрим ту же серию, третью сцену. Вы пишете: „Кирилл и Маргарита о чем-то спорят на улице. Кирилл крепко хватает Маргариту за руку повыше локтя. Маргарита громко вскрикивает от боли. К ней бросается встревоженный милиционер…“ Катя, вы вообще в какой стране живете?!»

* * *

…Вот, скажем, на выставке «Исповедального женского еврейского комикса» в одном из музеев Нью-Йорка пара немолодых русских туристов внимательно читает длинные, как ночь одинокой женщины, иллюстрированные ламентации об ужасах покупки первого лифчика в присутствии еврейской мамы (или об ужасах чтения «Лолиты» под руководством еврейской бабушки, или об ужасах написания любовных писем под руководством еврейского психиатра – неважно, все это примерно один и тот же текст с примерно одними и теми же иллюстрациями).

– Хорошо, что мы все-таки записали нашего Пашеньку евреем, – вдруг говорит дама. – Так он назло нам на русской женится.

* * *

…Вот, скажем, поэт Л. и редактор Х. в состоянии некоторой подвыпитости терпеливо объясняют восхищенно глядящей на них девушке основные принципы современного искусства:

– Что ты рисуешь – совершенно неважно, – говорит поэт Л.

– Абсолютно неважно, – соглашается редактор Х. – И даже как именно ты это рисуешь – совершенно неважно.

– Абсолютно неважно, – вторит поэт Л.

– Главное – что ты думаешь о том, что ты рисуешь, – говорит редактор Х.

– И тогда совершенно неважно, что и как ты рисуешь, – подхватывает поэт Л.

– Но лучше всего, если при этом ты рисуешь хер черной икрой по белому ковру, – завершает редактор Х.

– Да, это действительно лучше всего, – соглашается поэт Л.

* * *

…Вот, скажем, писатель П. старается поддержать своим сочувствием друзей – менеджеров среднего звена:

– Когда рабочий день чаще раза в месяц – это, конечно, очень тяжело, – говорит писатель П. – А реже – даже приятно.

* * *

…Вот, скажем, дочь художника К. решает, что для полного раскрытия ее творческого потенциала ей необходимо записаться на курсы кройки и шитья. И ходит на эти самые курсы с большим энтузиазмом. И семья ее тоже с большим энтузиазмом следит за ее прогрессом, интересуется, как прошел урок и что задали на дом.

– Сегодня мы занимались выворачиванием канта, – гордо говорит дочь художника К.

– То есть звездное небо – внутри нас, а нравственный закон – над нами? – вворачивает известную шутку художник К.

– Это Фома Аквинский, получается, – тихо бурчит из угла политолог Ф.

* * *

…Вот, скажем, поэты Г. и Ц. в ранней молодости снимали комнату у одной скромной петербургской старушки. Старушка была всем хороша, но страсть

прижимиста – хотя и богата, по тогдашним петербургским меркам. Поэтов Г. и Ц. она терпела с трудом и больше всего боялась, как бы эти представители творческой интеллигенции и их постоянно шастающие в гости друзья не попортили ей стоявший в арендуемой комнате ценный диван. И сразу предупредила, что ежели чего с диваном случится – с поэтов двадцать пять рублей. Естественно, поэты в первую же неделю постоя успели этот самый диван залить портвейном и прожечь глаголом. А утром пошли и украли из дворницкой топор. И за те пять минут, что старушка ходила в булочную, разрубили диван на куски. И в течение следующих трех недель выносили труп по кускам в рюкзаках, мешках и портфелях. А потом убедили старушку, что никакого дивана в комнате не было. Никогда. Вообще. А потом убедили дворника, что никакого топора в дворницкой не было. Никогда. Вообще. Хотя на самом деле они, конечно, вернули топор на прежнее место под скамью и даже поленом прикрыли точь-в-точь, как было. Просто остановиться уже не могли.

* * *

…Вот, скажем, во время недавней бомбардировки израильского юга беер-шевский писатель П. столкнулся с проблемой кота. По идее, каждый раз, когда звучала сирена, писатель П. должен был не просто переместиться в защищенную комнату сам, но и найти в трехкомнатной квартире охреневшего от сирены кота, вытащить его из-под мебели, отволочь в защищенную комнату и закрыть дверь, удерживая рвущегося наружу кота ногой. Кроме того, в защищенной комнате кота приходилось время от времени опять ловить и затыкать ему пасть, потому что вой кота перекрывал звуки радио и вой сирены, так что писатель П. не мог понять, отменена тревога или еще нет. Плюс – после перепуганного кота комнату приходилось мыть и проветривать. Тогда писатель П. решил начать готовить кота к постоянной жизни в зоне боевых действий и отнес кошачью миску в защищенную комнату. Кот стал проводить в защищенной комнате большую часть времени, но при звуках сирены порывался ломануться из закрытого пространства наружу, сбивая с ног вбегающего писателя П. Тогда писатель П. стал при звуках сирены бежать к защищенной комнате, бросаться у порога на колени и хватать в объятия летящего ему навстречу кота. И в этом, конечно, было что-то такое трогательное, что бывает, по большому счету, только во время войны.

* * *

…Вот, скажем, интеллигент Т. признается, что покупает своим морским свинкам какой-то там сверхочищенный высокопафосный импортный корм по 650 рублей за килограмм, потому что его мучает нормальная интеллигентская тревога, что он этим самым свинкам что-то должен.

– А вы им в клетку кредитку киньте, – неожиданно говорит Гаврилов.

– Чтобы они сами купили, чего захотят? – воодушевляется интеллигент Т.

– Нет, – говорит Гаврилов, – чтобы им было удобнее этот самый корм в дорожки сгребать.

* * *

…Вот, скажем, мелкий продюсер Л. загорается идеей провести конференцию под названием «Почему все так плохо?» Серьезную, коммерческую, с платой за вход. Про механизмы неудач. Пригласить спикера про механизмы неудач в личной жизни, еще одного спикера – про механизмы неудач в бизнесе, еще одного – про механизмы неудач в творчестве, в общественной жизни, в самореализации… К сожалению, организовать эту конференцию мелкому продюсеру Л. не удается уже почти год по совершенно непонятным причинам.

* * *

…Вот, скажем, крепкая готичная девушка, с намертво перепутанными синими косами и следами черной помады на зубах, улыбается широкой американской улыбкой хозяину корейского ресторана в Мидтауне и ласково говорит ему на прощанье: «Это была прекрасная курица! У меня бы рука не поднялась убить такую прекрасную курицу!»

* * *

…Вот, скажем, тель-авивский таксист говорит по телефону, произнося каждое слово с хорошим твердым аканьем: «Сестра тут у меня вышла за одного питерского… Да нет, он в Иерусалиме уже двадцать четыре года… Короче, за одного иерусалимского вышла сестра. А дети растут, понимаешь, питерские. Вчера говорю: „Дай, Итан, мне конфетку“, а он: „Это трюфель, дядя“».

* * *

…Вот, скажем, под традиционный разговор о том, какими холодными стали зимы, поэт С. мрачно замечает, что самые странные вещи происходят с людьми именно что от холода.

– Однажды, – говорит поэт С., – мы себе спокойно пили шампанское. Ну, много, но не так уж много. Ну, так пили шампанское, как вообще люди пьют шампанское. А потом Лена говорит: надо переходить на самбуку, а то очень холодно. И мы перешли на самбуку. А потом мы вспомнили, что припарковали машину на разделительной полосе. А Вадик был трезвый, и мы пошли перепарковываться. И тут выяснилось, что у машины открывается крыша, а Вадик даже не знал, потому что раньше никогда не пытался лечь на заднее сиденье. Было минус пятнадцать, и валил снег, но мы все равно открыли крышу. И снег стал валить прямо нам в коньяк, и Лена сказала, что от этого коньяк кажется гораздо теплее. И тогда я высунулся через крышу и стал ловить снег в коньяк, но он очень быстро таял, поэтому я очень быстро пил. И тогда мы стали очень громко ехать, потому что я раскинул руки и пел: «…Сильный, державный, царствуй на славу!», потому что у меня замерзла голова и в ней произошло сужение сосудов. И нас остановили укуренные гаишники и сказали, чтобы я не высовывался через крышу, потому что у них от холода нет сил с нами разбираться. И это как-то так закончилось, что я проснулся в обезьяннике, а милиционер меня обнимал, чтобы согреться.

На этом месте поэт С. обводит слушателей суровым взглядом и строго говорит:

– Вот почему мы больше не празднуем Новый год в этой вашей холодной Москве.

* * *

…Вот, скажем, журналист К. раздраженно тычет пальцами в клавиатуру ноутбука.

– У меня залипла кнопка «контроль»! – рычит журналист К. – У меня залипла кнопка «контроль», и я ничего не могу с этим сделать! Я не понимаю, что с этим делать! Я не могу ничего делать, если у меня залипла кнопка «контроль»!..

– Она у тебя в пять лет залипла, – тихо говорит жена журналиста К.

– Что ты там шепчешь? – раздраженно спрашивает журналист К. – Я не слышу, что ты там шепчешь! Я не могу эффективно принимать решения, когда мне непонятно, что ты там шепчешь!

* * *

…Вот, скажем, неглубоких еще лет израильская старушка в девять утра бойко шлепает кроксами по берегу тель-авивского моря. На плече у старушки гигантская неоновая сумка, полосатые шорты подпоясаны блестящим ремнем, поверх белой майки развевается гавайская рубашка, широкополая ковбойская шляпа время от времени сползает на огромные солнцезащитные очки. Навстречу прогуливающейся по берегу старушке прогуливаются по берегу две российские туристки, проживающие, по видимости, в одной из прибрежных пятизвездочных гостиниц. На туристках узкие черные джинсы, тщательно уложенные волосы скромно прикрыты шелковыми платками а-ля «Тельма и Луиза». Острые шпильки каблуков иногда проваливаются в песчаные щели между ровными плитами, и поэтому неброско накрашенные лица дам постоянно сохраняют выражение некоторой отстраненной напряженности. Маленькие утренние клатчи дамы осторожно придерживают на уровне живота. Бодрая старушка с уважением пропускает дам, отдергивая в сторону остро заинтересовавшуюся ими бесформенную собачку на оранжевом поводке. Несколько секунд старушка и собачка смотрят вслед удаляющимся дамам, а потом старушка внезапно говорит собачке:

– Хорошая у нас жизнь, Мики.

* * *

…Вот, скажем, продюсер Каширская жалуется, что уронила на себя телефон «и рассыпала по себе все циферки».

* * *

…Вот, скажем, средних лет округлый восточный господин в очках и тугом костюме с искрой настойчиво тычет пальцем с тяжелым перстнем в прилавок цветочного магазина. «Доставка, да?! – громко говорит он оробевшей маленькой продавщице. – Открытка, да?! Красиво на открытке напиши. Синей ручкой красиво. Красиво напиши: „Кристина, уходи!!!“» На этих словах господин разворачивается и направляется к двери, но внезапно спохватывается: «Нет, черной, черной ручкой красиво напиши!»

* * *

…Вот, скажем, молодой отец нетерпеливо тискает руку своей беременной жены во время сеанса УЗИ. Наконец он не выдерживает и нервно вопрошает: «Когда уже мне сообщат пол моего сына?» И узиолог, не отрываясь от работы, равнодушно отвечает: «Пол вашего сына – девочка».

* * *

…Вот, скажем, предприниматель Т. с изумлением рассказывает друзьям о своем новом подчиненном: «Такой прекрасный еврейский мальчик пришел ко мне на собеседование – умный, живой, сосредоточенный. Про продажи все понимает, про команду понимает, правильные вопросы задает. Вышел на работу в понедельник – чистое счастье. В четверг на летучке говорит: „Простите, но мне надо завтра в четыре уйти – у меня шаббат“. Отлично, говорю, не проблема. В следующий четверг после летучки подходит ко мне, говорит: „Мне, извините,

завтра в четыре уйти придется – у меня шаббат“. Легко, говорю, не проблема. А потом Катю спрашиваю: „Кать, а что такое шаббат?“ Так вот, оказывается, у них каждую неделю шаббат!»

* * *

…Вот, скажем, безумного вида старушка в цветочек яростно торгуется на лондонском блошином рынке с не менее безумного вида пожилым продавцом. Предмет торга изящное трехстворчатое трюмо. Старушка возмущенно указывает сухоньким пальчиком на то, что у зеркал облезла амальгама, из деревянного винограда повыпадали ягодки, а правая дверца криво ухмыляется. Пожилой продавец возмущенно указывает сухоньким пальчиком на изящные березовые барельефы, на элегантные петли для щеток и флаконов и на резные полочки ручной работы. Наконец старушка хватает клатч и возмущенно шипит: «Это же мое трюмо, нахал ты этакий! Ты украл мое трюмо!» На что пожилой продавец шипит не менее возмущенно: «Будешь знать, как разводиться со мной после сорока двух лет брака!»

* * *

…Вот, скажем, мрачная девушка с элементами поздней готики в одиночестве прогуливается вдоль Патриарших прудов и назидательно беседует с равнодушными толстыми утками: «Утки! Вы можете представить себе такую меру отчаяния, утки? А я, утки, могу».

* * *

…Вот, скажем, строгий научный человек в дружеской компании зачитывает свое письмо к даме-оппоненту: «В рамках сверхценной задачи сохранения общего вектора исследований в русле определенной философии Ваши усилия кажутся мне потенциально разрушительными. Базовые предпосылки исследования в данный момент таковы, что видится совершенно необходимым отделить неоправданные транзиентные веяния постоянно меняющейся гуманитарной моды от подлинно основательных научных построений; видится бесспорным тот

факт, что будущее подтвердит мои предположения по этому поводу. Примером может служить отмирание одной из тенденциозных постструктуралистских ветвей гуманитарной мысли, результатом которой стало превращение когда-то доминирующего дискурса в азбучный элемент распространенного медийного шарлатанства, в то время как более сильные ветви того же дискурса стали пусть и архаичной, но важной составляющей сегодняшней культурологической теории». Дочитав до этого места, научный человек вопросительно смотрит на друзей. «Ну-у-у, мне кажется, это ты чересчур, – неуверенно говорит его жена. – Мне кажется, это ты задеваешь ее чувства. Замени, может, „в то время как“ на „однако“?»

* * *

…Вот, скажем, в Иерусалиме выпадает горстка снега, и возбужденные иерусалимские дети, до этого, почитай, не видавшие снега в глаза, волокут отвыкшего от низких температур послесоветского отца на улицу. Отец ведет себя как сибирский мужик в сорокаградусный мороз: топает, растирает нос себе и чадам (чада возмущенно визжат) и размышляет о всяких высоких материях, украшенных тройками и бубенцами. Лишенные чуткости дети не понимают этого момента высокой ностальгии и требуют, чтобы отец отвечал за былой базар, – то есть за рассказы про снеговиков, санки и опасную игру с киданием снежных шариков друг в друга (можно выбить глаз). Снега при этом – примерно как Снегурочка наплакала, но отступать отцу некуда. Поэтому он быстро лепит снеговика прямо на скамейке во дворе: попа у этого снеговика – с мелкую дыньку, середина – с умеренный апельсин, голова – с крупный орех. Ручки – палочки, глазки – камушки, ну понятно. Дети в восторге, но смекалистого старшего мальчика что-то явно беспокоит.

– Как же вы, папа, ему вместо носа морковку приделывали? – спрашивает смекалистый старший мальчик, сосредоточенно хмурясь. – У него от морковки вся голова рассыпется.

– Врал он все, – говорит хитрая младшая девочка, постоянно чешущая кудрявую голову под непривычной кусачей шапкой. – Небось они просто оливку втыкали вместо носа. Папа, признавайся: вы же просто оливку втыкали вместо носа?

Папа покорно соглашается, что преувеличивал свои советские подвиги, и дети, пожурив его за хвастовство, дружно идут просить у матери оливку.

* * *

– …Возьмите горчицу! – кричит продавец приправ на Даниловском рынке вслед немолодой интеллигентной паре в одинаковых беретках и длинных черных пальто. – Горчица крепкая, как до революции!..

– …Возьмите горчицу! – через две секунды кричит тот же продавец крупному мужчине в шерстяной кепке и спортивных штанах. – Горчица крутая, как при Сталине!..

* * *

…Вот, скажем, несколько русских писателей стонут на предмет невозможности читать столько, сколько нужно. Ну потому что нет сил, времени, опять сил, времени вообще, никаких сил – и так далее. Все чувствуют себя неучами, дикарями и тупицами. Всех ест совесть.

– Можно пойти на курсы скорочтения, – говорит стонавший громче всех писатель К., тычась в Гугл. – Вот тут обещают, что за вечер ты научишься прочитывать триста страниц.

– Прекрасная мысль, – раздраженно отвечает писатель Т. – Так я просто мучаюсь, что не прочитал ни хрена, а так я буду мучиться, что не прочитал аж триста страниц.

* * *

…Вот, скажем, предприниматели Л. и Н. отправляются в московское представительство одной очень маленькой страны, для того чтобы получить визы в эту очень маленькую страну. Досмотр в посольстве зверский, охранники строгие, снаружи мороз. Л. и Н. неприятно поражены тем, что охранник,

стоящий на входе в основной зал, каждый две минуты покрикивает в совершенно советской манере: «Дверь!..» и «Вы что, не видите, сколько здесь народа?!» Зато когда Л. подходит к этому самому охраннику, чтобы узнать, где туалет, выясняется, что охранник ни слова не говорит по-русски: он заучил только две приведенные выше фразы. Их полностью хватает, для того чтобы граждане: (а) входили по одному; (б) не толпились; (в) соблюдали очередь; (г) самоорганизовались по спискам; (д) не лезли вперед показывать свои документы, – и так далее.

* * *

…Вот, скажем, китаист Ф. водит по еврейскому кварталу Праги небольшую толпу китайских туристов. Перед Ф. стоит нелегкая задача: подавляющее большинство членов группы вообще не очень-то понимает, что такое евреи и почему это так сложно. Ф., будучи талантливым просветителем, во всем находит какие-нибудь аналогии с китайской культурой – и в логике гетто, и в теме изгнания, и в истории пражского кладбища… Наконец, дело доходит до голема.

– По одной из легенд, – говорит Ф., – после того как голема слепили, ему в рот была вложена магическая записка, наделявшая его особой силой. Если записку вынимали, вся сила голема исчезала. Это похоже на… на…

– …на еврейский fortune cookie?.. – услужливо подсказывают из группы.

* * *

…Вот, скажем, историк Р. печально говорит сыну, только что вернувшемуся от адвоката по бракоразводным делам: «А я тебе еще в самом начале говорил: «Посмотри, у нее в ЖЖ три тэга: собачки, лошадки и апробативная этика…«»

* * *

…Вот, скажем, художник П., лепя из пластилина небольшую умную голову, внезапно говорит жене:

– А знаешь, как мы в детстве реализовывали свои садистические побуждения? Мы лепили самолет – так, знаешь, с огромным тщанием, по книжкам, детали, все такое. На самолет потом лепили из другого цвета всякие украшения, звезды, фломастером подрисовывали. Потом лепили пилота – с очочками, шарфик, погоны из фольги делали, всё это делали. Сажали его в самолет, ремни ему крест-накрест лепили тоненькие, всё лепили. Потом писали листовки крошечные-крошечные, мелко-мелко, вот так вот резали бумажку (показывает пальцами квадратик в сантиметр) и писали. И клали пилоту на заднее сиденье. А потом со всей дури ба-ба-а-а-ах! – и кидали этот самолет в стену…

Тут художник П. перестает лепить и смотрит на жену сложным взглядом.

– Вот же интеллигенция, – говорит жена художника П. с большим интересом. – Нет бы, как все люди, кота брить.

* * *

…Вот, скажем, упрямый мальчик Саша спорит со своей мамой по поводу необходимости ехать на праздники к бабушке.

– Бабушка кладет меня спать в девять часов! – оскорбленно говорит Саша. – И заставляет меня есть салат, и у нее в телевизоре мало программ, и ее соседка меня за щеки дергает!

– А ты зануда, и слишком много смотришь телевизор, и ешь одни котлеты, и не ценишь любовь незнакомых старушек! – говорит безжалостная мать, запихивая Сашины кроксы в рюкзак.

– А ты… А ты козявки к низу стола клеишь! – выпаливает Саша.

Сашина мать медленно оборачивается и недоуменно смотрит на сына.

– Прости, – вежливо говорит Саша. – В запале ссоры я склонен судить о людях по себе.

* * *

…Вот, скажем, женская компания заводит характерный разговор о том, какие ласкательные имена мужчины для них придумывали. Вспоминают «пусю», «чувиху», «лялю», «бэбика», «клушу» и другие ужасы.

– Последний мужчина, которого я любила, называл меня «выдра», – со вздохом говорит некоторая дама.

– Ну ладно тебе, – говорит поэт Идлис. – «Выдра» – это комплимент. Выдра долго не линяет.

* * *

…Вот, скажем, во время празднований Лаг-ба-омера (когда израильские дети с радостными воплями устраивают костры из всего, что попадется под руку, а израильские взрослые нервно визжат, отбивая у чада то семейный альбом, то поставец красного дерева, вывезенный из Черновиц в 1913 году с риском для жизни и разума, то полное собрание сочинений Станюковича), олдовый иерусалимский хиппи К. попытался научить своих и соседских детей прикостровой песне «Милая моя, солнышко лесное». Дети К., коренные израильтяне, по-русски говорили так себе, но культурные родители недаром чередовали русскую няню с английской и китайской, – худо-бедно «лесное солнышко» было освоено и отлично зазвучало в небольшом иерусалимском парке, возле уютного семейного костра. Постепенно к поющей компании стали подтягиваться другие дети, лишенные, к сожалению, счастья беседовать с русской няней два раза в неделю. Ласковый хиппи К. стал махать им большой бородатой головой – давайте, мол, подпевайте, как можете.

– Давайте, давайте! – закричали на иврите ласковые дети олдового хиппи К. – Это клевая песня! Это русская военная песня про десантника!

* * *

…Вот, скажем, литератор Л. сообщает литератору И., что вчера у него случилось просветление. Дело было так: литератор Л. с какой-то стати припомнил старый детский стишок:

– Где ты была сегодня, киска?

– У королевы у английской.

– Что ты видала при дворе?

– Видала мышку на ковре.

А припомнив с какой-то стати этот стишок, литератор Л. неожиданно сообразил, что всю свою жизнь полагал, будто мышки на ковре на самом деле, естественно, не было. Потому что откуда в королевском дворце мышки? А у кошки, как у настоящего мономаньяка, была галлюцинация.

– И только вчера я сообразил, – просветленно говорит тревожный литератор Л., – что этот стишок не про мономанию, а совсем даже про другое.

– Конечно, про другое, – отвечает несколько удивленный литератор И. – Он про невозможность полноценных коммуникаций. Он про то, что на ковре была мышка и кошка совершенно твердо это знает, а окружающие ей не верят, потому что считают, что она мономаньяк и у нее была галлюцинация.

Некоторое время литератор Л., литератор И. и кошка литератора И. молча разглядывают ковер.

* * *

…Вот, скажем, предприниматель Г., вернувшийся из деловой поездки в далекий сибирский город, объясняет коллегам, что очень устал, поскольку «по вечерам ходил с коллегами пить чай и так за неделю обошел все стрип-бары города».

* * *

…Вот, скажем, инженер Б. в ярости рассказывает друзьям, что его впечатлительную племянницу некоторое время назад захомутала какая-то беспардонная грабительская секта. Секта называется – ну, скажем, «Селестиальный институт альтернативной космогонии и сексуального манипулирования». Задача этого института состоит в том, чтобы обучать своих последовательниц, большинство которых является растерянными юными девами, этому самому сексуальному манипулированию при помощи селестиальной космогонии. То есть опытные гуру всего за 80% вашей зарплаты помогают вам в процессе полового акта чем-то таким крутить, космогнать и подмахивать, от чего другая сторона впадает в… эээ… в непреодолимую ментальную зависимость чакры сутра путра брана прана хурли мурли драмакришна. Неудивительно, что рационального инженера Б. космогоническая зависимость юной племянницы от этих жуликов невыносимо бесит.

– Ну они хоть научили ее чему-нибудь в плане этого самого манипулирования? – жадно интересуются циничные и закомплексованные друзья инженера Б.

– Еще как научили! – рявкает инженер Б. – Она уже так успешно ими манипулирует, что они там трахают ее всем скопом совершенно бесплатно!

* * *

…Вот, скажем, группа серьезных молодых людей, расположившись на травке тель-авивского университетского кампуса, обсуждает гражданскую акцию в защиту животных. Цель акции – дать гражданам понять, что животное нельзя дарить кому попало, потому что оно – не забава, а ответственность, ну и так далее. «Мы возьмем с собой наших животных, – говорят эти серьезные молодые люди, – и еду для наших животных, и воду для наших животных, и какие-нибудь приятные лакомства для наших животных, и подстилки для наших животных. Мы возьмем цветные мисочки для наших животных, и самые любимые ошейники

наших животных, и такие специальные красивые погрызки в форме косточек и бантиков, и игрушки для наших животных, и одеяльца для наших животных, потому что вечером может стать холодно. Мы будем выглядеть по-настоящему устрашающе, – говорят эти прекрасные, очень молодые, очень серьезные люди, лежа на невообразимо зеленой траве тель-авивского университетского кампуса. – Они не смогут к нам не прислушаться».

* * *

…Вот, скажем, серьезная московская девушка П., менеджер многообещающей молодой компании, описывает коллегам встречу с представителями клиента. «Тетка хорошая, – говорит девушка П. – С ней можно нормально разговаривать. Дядька лысый тоже хороший – ничего не понимает, но хочет понять, с ним можно нормально разговаривать. А бойкий мальчик в пиджачке меня беспокоит. Мне кажется, с этим бойким мальчиком мы еще нахлебаемся». «Злобный? Глупый?» – спрашивают коллеги. «Нет-нет, – говорит девушка П., – как раз очень приятный мальчик, милый, все такое. Но сильное впечатление, что он или на чем-то, или под чем-то». И тут же поправляет себя: «В нормальном смысле слова! Или под коксом, или на ипотеке!»

* * *

…Вот, скажем, литератору Г. друзья пеняют на то, что он тяжелый, неприятный человек. О чем с ним ни заговори – он заставит свернуть разговор на тяжелые, неприятные вещи. И вообще он, короче говоря, прачный пудак. И очень просят его не поганить хоть один вечер и, когда придут гости, улыбаться и доставлять. Литератор Г. клянется доставлять и улыбаться. И весь вечер улыбается, как крокодил, и даже нормально отвечает на расспросы о старых знакомых: у Пети все хорошо, у Васи все хорошо, у Кати ребеночек болеет, но непременно выздоровеет – и тоже все будет хорошо, Пашу уволили, но он ищет работу, уже почти нашел, тоже все будет хорошо… Словом, очень старается и держится большим молодцом наш литератор Г. И вот гости начинают расходиться, кто давно не виделся – обмениваются мейлами и обещают найтись в Фейсбуке. «А дай телефон Васи? – просит у литератора Г. одна веселая девушка. – Я сто лет не виделась с Васей, повидалась бы». – «В смысле?» – спрашивает литератор Г. «В смысле?» – не понимает девушка. «Вася умер», – говорит литератор Г.

осторожно.

* * *

…Вот, скажем, тому же литератору Г. поведали, что в Times или где-то еще недавно были опубликованы графики подростковых самоубийств за последние годы. «Красивые?» – спросил литератор Г. с интересом.

* * *

…Вот, скажем, друг поэта Ф., человек сугубо русский, очень любит хумус. Есть бы ему хумус и есть, но у него, увы, имеется в квартире теща, дама странноватая и высокодуховная, твердо верящая и в гох и в чох, и во Всемирный Еврейский Заговор. Поэтому продукты, на которых стоит отметка о кошерности, она нести в дом запрещает. А на всем хумусе, который ее бедному зятю удается разыскать в магазинах, такая пометка стоит – хоть российская, хоть израильская. Остается только неприятно дорогой ресторанный хумус или какая-то несъедобная замазка из развесных. Поэт Ф., человек изобретательный, находит для друга решение: «Ты, – говорит, – перемешай кошерный хумус крупной такой креветкой. Ну, как ложкой. И скажи теще, что плюс на минус и т. п.». На следующее утро друг поэта Ф. входит на кухню к теще, в одной руке банка с хумусом с печатью какого-то там раввината, в другой – крупная креветка.

– Смотри, – говорит, – теща! – И перемешивает хумус креветкой, как положено. – Могу я теперь это есть?

– Брось креветку, Паша! – испуганно говорит теща изумленно. – На ней кошерный хумус, Паша!

* * *

…Вот, скажем, израильский скульптор Т. с мужем и семилетним дитем отправляются в зоопарк очень маленького европейского города, гордящегося,

тем не менее, своим зоопарком. Привыкшее к иерусалимскому зоопарку с его бескрайними просторами и бессовестными лемурами, семейство скульптора Т. ожидает долгой прогулки и мимимишечного пресыщения. Но крошечный местный зоопарк оказывается неприветливым, тенистым и пустым. Иногда возле какой-нибудь зоопостройки мелькала чья-то мохнатая попа; толпа туристов, стуча копытами, устремлялась туда, перепуганная попа скрывалась в постройке, толпа неудовлетворенно мычала. Старательнее всех стучал копытами ребенок скульптора Т., большой любитель зоологии. Поначалу он пытался и возле пустых клеток занимать себя и родителей: читал вслух подробные информационные таблички, делился своими (довольно обширными) знаниями об устройстве клоачных и питании яйцекладущих, призывал зверей анималистическими звуками. Туристы слушали его с большим интересом, хвалили и вглядывались в темную глубину зоопостроек. Зоопостройки отвечали тишиной. Постепенно ребенок Т. утомился, скис и сник. Он, конечно, был умненький, но все-таки ребенок, и родители предчувствовали Большие Слезы. И вдруг в кустах что-то зашевелилось! Стадо туристов ломанулось к кустам, ребенок Т. несся впереди. Кусты затихли от ужаса, но потом как-то воспряли, и шевеление возобновилось. Однако видно по-прежнему никого не было. Туристы подкрались ближе. Кусты буйствовали, но плотный покров зелени не размыкался. И тогда ребенок Т. прислушался, потянул воздух носом, вытянул в сторону кустов перст и очень авторитетно сказал:

– Там трахаются барсуки!

И еще некоторое время зоотуристы слушали шум кустов в почтительном молчании.

* * *

…Вот, скажем, московский таксист в ожидании пассажира играет на айпадике в «Травиан». «Зерно – 5 в час, глина – 8 в час, древесина – 10 в час, железо – 6 в час… Герой – один».

* * *

…Вот, скажем, всегда отличавшийся крайней физической ленью инженер К. после микроинсульта обрел два странных свойства: во-первых, начал очень ясно мыслить во сне, а во-вторых, стал страдать кошмарами, в которых учитель физкультуры заставлял его, толстенького человека средних лет, сдавать какие-то нормативы. Поскольку в этих кошмарах К., как уже говорилось, очень ясно мыслил, то попытки учителя физкультуры грозить ему, скажем, двойкой или вызовом к директору ничего не давали: К. просто садился на кромочку бордюра и лениво ждал звонка с урока. Поэтому бессознательное К. начало давить на те болевые точки, которые и в реальной жизни К. работали отлично. В частности, К. приснился сон, где его вынуждали участвовать в командном забеге. К. не хотел бежать, а учитель физкультуры говорил ему: «Кирилл (например) Анатольевич, вы подведете команду!» Ясно же мыслящий К. отвечал ему: «Юрий Сергеевич, вы же все равно должны высчитывать средний арифметический результат! Я бегаю очень средне; соответственно, если я не побегу, на результат команды это никак не повлияет!» А учитель физкультуры отвечал: «Нет, Кирилл Анатольевич, так не пойдет, мы собираемся брать интеграл на всем множестве значений, причем не по Риману, а по Лебегу. Бегите!» Проснулся инженер К. очень утомленным – как умственно, так и, что особенно обидно, физически. Видимо, побежал.

* * *

…Вот, скажем, предприниматель Ф., человек легковозбудимый, но при этом крайне разборчивый в деловых связях, предложил друзьям создать сайт со стартап-порнографией. «Представляете, – говорил мечтательно предприниматель Ф., – зашел – там идеи стартапов. Тысячи! По рубрикам. Коммуникации, IT, сервисы, медиа… Нет, не так: по сумме вложений. Нет, по типу инвестирования. Нет, по срокам реализации! Нет, нет! По потенциальному уровню публичности!» Тут предприниматель Ф. смущенно спохватывался и краснел. «Ну, в меру своей испорченности представьте себе, – скромно говорил он. – Так вот, заходишь туда, выбираешь себе… Такое что-нибудь. Смотришь. Заводишься бешено! Собственные идеи прут. Прямо представляешь себе: как, с кем… Вот так можно… Вот тут так еще… И еще так! И вот сюда вложиться! И вот это подтянуть! Сердце колотится, вены пульсируют… Ну и отпускает через пятнадцать минут. Встаешь себе, идешь жить дальше, ни волокиты, ни рисков, ничего».

* * *

…Вот, скажем, девочка лет семнадцати, вся в слезах и соплях, складываясь пополам от ярости, кричит вслед очень волосатому, очень надменно удаляющемуся мальчику: «Я с тобой трахаюсь понарошку! Я все с тобой делаю понарошку!..»

* * *

…Вот, скажем, топ-менеджер Х. рассказывает в компании своих друзей, тоже топ-менеджеров, что жена часто ругает его совершенно непонятно за что.
В частности, во время совместного летнего путешествия в Прагу Х. пришлось выдержать довольно неприятный семейный скандал. Дело в том, что в Праге Х. и его жена, совершая романтическую прогулку по парку, попали под сильный дождь. Тут же появились какие-то ушлые восточные люди, торгующие очень плохими, но все-таки какими-никакими зонтиками по 10 долларов штука. Х., очень раздосадованный тем, что его собственный прекрасный зонт бессмысленно валяется в гостинице, купил у ушлых восточных людей десятидолларовый железный веник и укрыл под ним себя и жену. Десять минут спустя дождь прекратился. Тогда Х. извинился перед женой, на секундочку прервал романтическую прогулку, обыскал весь парк, нашел ушлых восточных людей, обедающих каким-то фалафелем, и после долгих напряженных переговоров сумел продать им несчастный зонт обратно – за 8 долларов. Обернулся всего за сорок пять минут. Жена топ-менеджера Х. почему-то отказалась с ним разговаривать, исчезла на весь день, а потом за ужином вызывающе кокетничала с канадскими футболистами.

– Почему такая реакция? – обиженно говорил друзьям топ-менеджер Х. – Нет, я понимаю, что потерял на сделке двадцать процентов, но существуют же какие-то элементарные законы рыночной конъюнктуры!

* * *

…Вот, скажем, литератор Г. объясняет, что его пожилой папа всегда был склонен к свойственному некоторым представителям советской интеллигенции конспирологическому видению большой политики. Касалось это не только

иезуитствующего Политбюро, но и коварного НАТО, расчетливого Пентагона, лукавого Пекина – и так далее. Среди прочего, папа литератора Г. всегда разделял уверенность других таких же проницательных граждан в том, что на Западе существует специальный подрывной отдел, сочиняющий антисоветские анекдоты и переправляющий их в СССР. Литератор Г. всегда с удовольствием поддерживал такие папины теории, а один раз даже высказал мнение, что этот подрывной отдел пишет антисоветские анекдоты на маленьких бумажках, а потом плюется ими из трубочки через Берлинскую стену, – но тут папа почему-то обиделся.

* * *

…Вот, скажем, художница Т. и ее муж Ф., недавно ставшие убежденными вегетарианцами, испытывают серьезные трудности после того, как Т. по возвращении домой из отпуска находит под супружеским диваном кусочек колбасы. Мужские друзья Ф. убеждают его сказать, что он жрал колбасу, женские – сказать, что он приводил бабу. Так или иначе ситуация патовая.

* * *

…Вот, скажем, переводчики С. и В. во время визита в Батуми стоят посреди какой-то маленькой площади с картой и пытаются сориентироваться. К ним подходит небольшой приятный старичок и интересуется, не евреи ли они случайно. С. и В., оба круглолицые блондины, изумленно подтверждают, что они – да, евреи. Очень обрадованный старичок говорит, что он так рад видеть в Батуми евреев, что в Батуми очень не хватает евреев, что все евреи из Батуми уехали и Батуми стал совсем не тот.

– Даже в синагогу ходят армяне, – говорит старичок со вздохом.

– Вы, наверное, еврей? – осторожно спрашивают переводчики С. и В.

– Армянин, – печально отвечает старичок.

* * *

…Вот, скажем, питерский таксист везет двух московских менеджеров по довольно срочному делу. Таксист – человек спокойный, неторопливый; на пятой минуте он задумчиво говорит: «Интересно, куда ж это я еду?..», на десятой: «Откуда тут мостик-то?», на пятнадцатой: «Вы же не очень торопитесь?» Через сорок пять минут московские менеджеры стоят на обочине совершенно неизвестного им тупикового питерского переулка и, натурально, кричат на водителя очень плохими словами. «Что это за х… позорная», – говорят они, и «Какого х… вы не посмотрели в карту», и «Что за п… вы тут устроили», и «Е… можно», и даже еще хуже. На каждый яростный выпад таксист в отчаянии кивает, извиняется, клянется, что он в жизни себе этого не простит, что зря его мама на свет родила. Наконец, возникает усталая пауза, и один московский менеджер, понимая, что встреча, от которой так много зависело, уже не состоится, со вздохом говорит: «Что ж ты, мужик, наделал…» И тут питерский таксист багровеет, взвивается и возмущенно орет:

– Что это вы мне тут тыкаете?!

* * *

…Вот, скажем, молодая мать пытается запихнуть двоих очень израильских детей, шести и восьми лет отроду, в машину. Молодая мать измучена пляжным днем, дети голодные, усталые и бьют друг друга по голове надувными палками для плавания. Пока дети выясняют между собою, кто больший козел, молодая мать пытается засунуть в багажник машины сумку-холодильник, сто двадцать игрушек, резиновый пуфик, мешок с недоеденными яблоками и бог знает что еще. Пуфик не поддается. Молодая мать решает все начать сначала и вываливает содержимое багажника на асфальт. В этот момент младший ребенок пытается засунуть голову старшего ребенка в ведро с формочками для песка. Тогда молодая мать обещает, что сейчас засунет младшего сына в багажник и он будет лежать там до приезда домой.

– Я подам на тебя в суд! – немедленно говорит лукавый младший ребенок. – Это ущемление моих прав в семье.

Тогда молодая мать обещает, что засунет обоих сыновей в багажник, по справедливости.

– Мы оба подадим на тебя в суд! – говорят умные сыновья. – Это насилие над детьми.

Тогда молодая мать залезает в багажник, сворачивается в клубок и закрывает глаза.

Несколько секунд дети пребывают в растерянности.

– Мы подадим на тебя в суд! – наконец радостно говорит старший. – Ты оставила нас на улице без присмотра!

* * *

…Вот, скажем, нью-йоркский журналист К. беседует со своим коллегой геем о его, коллеги, приближающейся свадьбе. Коллега и его бойфренд уже наняли модного дизайнера интерьеров оформлять их новую квартиру, потратили две недели на составление списка из трехсот тщательно отобранных гостей и едва не разошлись, выбирая маме одного из женихов идеальное вечернее платье. Но главное, они решили как можно скорее усыновить ребенка. Журналист К. спрашивает, как быстро это можно сделать.

– Можно сравнительно быстро, – говорит молодожен, – но в нашем случае быстро не получится. Мы хотим усыновлять ребенка в Малави, а это медленно и трудно.

И добавляет с уважительным вздохом:

– Малави – это Chanel в мире усыновлений.

* * *

…Вот, скажем, художник С. рассказывает, что его подруга, выращенная в советской строгости, но много читавшая, завела себе в детстве колокольчик, поставила его у кровати, звонила в него, кричала: «Девка, шоколаду дай!» – после чего отправлялась на кухню и варила себе какао. Вернувшись с какао в постель, непременно заглядывала в чашку и говорила: «Что за месиво! Пороть тебя, девка, пора!» Впоследствии ее психотерапевт купил себе два «мазерати».

* * *

…Вот, скажем, в предбаннике рентген-кабинета небольшой больницы медсестра ласково уговаривает немолодую пациентку: «Да вы раздевайтесь прямо тут, не стесняйтесь! Это ж не дискотека, никто вам между ног не заглядывает!»

* * *

…Вот, скажем, микробиолог З., двадцать пять лет назад удумавши жениться, столкнулся с типичной для молодоженов ситуацией: старшие родственники поинтересовались, что бы молодые хотели получить в подарок. На советском безрыбье выбирать предстояло между сервизом в горошек и вазой хрустальной «Тюльпан», поэтому молодые посоветовались и сказали, что хотят путевку в Ялту. И очень друг друга хвалили: «Какая тебе пришла в голову прекрасная идея!» – «Нет, это тебе пришла в голову такая прекрасная идея!» Ну, любовь, понятное дело. Так вот, отец микробиолога З., человек основательный, подошел к делу серьезно и работал над выбором санатория месяц. И выбрал. И так выбранный санаторий ему понравился, что он и себе купил путевку. На то же время. В один номер с молодыми. Однокомнатный. И каждое утро в семь поднимал молодых на пробежку, а каждый вечер заставлял делать гимнастику и слушать перед сном новости по радио «Маяк». А по выходным водил их на марш-бросок в горы. С ночевкой. И вот уже двадцать пять лет молодые живут очень счастливым и крепким браком, потому что все неприятное, что два человека могут вообще, в принципе, сказать друг другу, они за эти две недели уже сказали, ничего в загашниках не осталось.

* * *

…Вот, скажем, переводчик Ш. клянется, что если уронить новый айфон в воду, то он там будет красиво лежать двадцать секунд, а потом выдаст на экране надпись: «Эта атмосфера не подходит для нормального функционирования». Друзья, конечно, спрашивают у переводчика Ш., не выдает ли его айфон такую же надпись через двадцать секунд после въезда в Москву, но переводчик Ш. обижается.

* * *

…Вот, скажем, писатель Г. и композитор Ф. выясняют, что, несмотря на поколенческую и социальную близость, они почти не знают общих анекдотов. Например, писатель Г. не знает анекдота про мышку и папарацци, зато композитор Ф. не знает анекдота про «а утром у вас что бывает?». Зато композитор Ф. не знает анекдота про «да, это Бородино», а писатель Г. очень радуется, впервые услышав анекдот про двух русских и хромого крокодила. Анекдоты про мармозетку, про сине-черные штаны, про «не-пре-мен-но!» и про «восемь раз направо» тоже оказываются в новинку либо для одного, либо для другого. Пораженный этой ситуацией, писатель Г. осторожно спрашивает:

– Но хотя бы про француженку и сигарету?..

– Да, да! – радуется композитор Ф. – Про француженку, которая в постели и так и этак…

– И то и се… – подхватывает писатель Г.

– И наконец, все заканчивается…

– И она закуривает сигарету…

– И затягивается…

– И произносит…

На этом месте композитор Ф. и писатель Г. хором выкрикивают:

– Знала бы моя мама, что я курю!.. (композитор Ф.).

– Знала бы моя мама, что я курю в постели!.. (писатель Г.).

Секунду оба молчат.

– Миленький, – осторожно говорит писатель Г., – мне кажется, это два принципиально разных анекдота.

* * *

…Вот, скажем, писатель Л. входит в номер поэта Ф., куда вечером набились отдохнуть участники фестиваля, и сообщает: «Вот вам, господа, история про величие русского языка. Тут, оказывается, есть такие пирожки, которые писаются, в смысле надкусишь – и бульон льется. Так вот, знаете, какое народ им дал историческое название, сохранившееся до наших дней? „Зассанчики“! Великий же язык! Верно, Леночка?» «Дддда, – смущенно говорит местная девочка Леночка. – Только они не „зассанчики“, а „посикунчики“». Великий язык, не поспоришь.

* * *

…Вот, скажем, инженер Х., прекрасный израильский отец, решает на Хануку сделать двухлетней деточке традиционные домашние пончики. Не разлапистые громадные магазинные пончики с какой-то хренью внутри, а маленькие, хорошенькие, толстенькие пончики с домашним вареньем и собственноручно произведенной сахарной пудрой. Колбасится на кухне часов двенадцать. Деточка смотрит на блюдо с пончиками и, не прикасаясь к ним, твердо говорит: «Не люблю», – после чего отправляется заниматься своими делами. Х. мысленно говорит ей вслед несколько крепких слов про девочек в целом, съедает два блюда толстеньких пончиков и потом долго тоскует, морально и физически.
На следующий день он отправляется забирать деточку с детсадовского празднования Хануки. Деточка сидит на полу, рядом с ней сидит другая деточка. Другая деточка слизывает с расползающихся магазинных пончиков отсыревшую сахарную пудру и отдает их нашей деточке, наша деточка с большим

энтузиазмом их ест. Х. пытается убедить себя, что все дело в сахарной пудре, но душевная рана все равно кровоточит. «За что мне это, мама?» – спрашивает он у своей матери тем же вечером. «А за пельмени», – говорит мать.
И выясняется, что в раннем детстве Х. не ел домашние пельмени, которые мама заботливо лепила для него по ночам, зато в гостях отлично ел расползающиеся магазинные пельмени из картонной коробки, причем сначала раскусывал их, выковыривал мясо и съедал только тесто, а потом аккуратно ел серое мясо специально затребованной ложкой, глядя на родную мать невинными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/linor-goralik/vot-skazhem-sbornik-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить